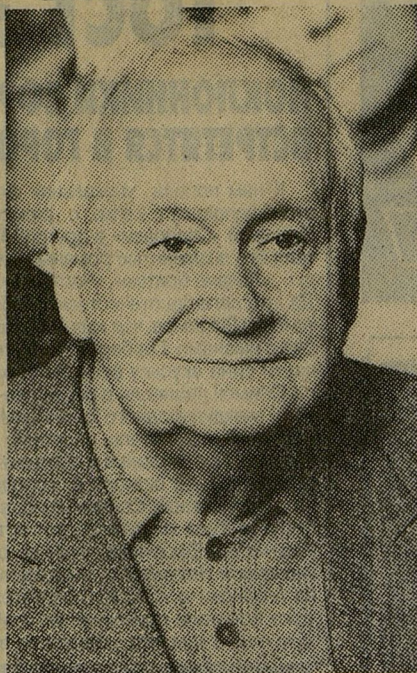

Труд, 1997 — 17 сент. — С. 5

Георгий МЕНГЛЕТ:

Менглет приветливый и милый, может быть вместе с тем неприимым и жестким, когда затронуты его жизненные принципы. Его любят актеры старшего поколения и обожает молодежь. При нем любая женщина чувствует себя красавицей. Он — глава большой прекрасной семьи, которая ласково зовет его Жориком. У этого человека есть обожаемая кошка и страстно любимое дело. А еще есть футбол — самая захватывающая игра на свете. Он — счастливый и талантливый человек.

— Вы живете в Москве, а ей в этом году исполнилось 85 лет — всего на один ноль больше, чем вам. Как складывались ваши отношения с матушкой-столицей?

— В 1928 году я впервые попал в Москву как юный футболист — приехал на Спартакиаду. Города тогда не увидел — посмотрел только Михаила Чехова в спектакле "Ревизор". А в 30-м поступил в ГИТИС и уже стал осваивать столицу основательно. Очень люблю ее суматоху, суету, ее закоулки, из которых не знаешь, куда выйдешь. Люблю Тверскую — рад, что ей вернули родное название. Очень любил и продолжаю любить Александровский сад, Арбат и район стадиона "Динамо". Одно из самых страшных расстройств в жизни — это разрушение храма Христа Спасителя и Сухаревской башни. Я видел это. Скверик у храма был родным местом (это недалеко от ГИТИСа), где мы часто сживали, поедая свой нехитрый обед — кулек квашеной хрустящей капусты. Она была необычайно вкусна и дешева. Я очень доволен, что опять стоит на земле храм Христа Спасителя, хотя понимаю, что копия, — и все равно рад ужасно!

— Артисты Театра Сатиры — играли концерт в фонд восстановления храма. Так что в этом величественном здании есть и ваш "кирпичик". На празднике Москвы вы выступали на Поклонной горе как участник фронтового театра. Какие, если вспомнить, самые сильные впечатления от работы артиста на войне?

— Война застала меня в Сталинабаде. Конечно, мы все рвались на фронт. Вскоре стали появляться фронтовые бригады, и нам удалось добиться постановления Совета министров Таджикистана о создании фронтового театра. Я его возглавил, и мы сде-

лали очень хорошую эстрадную программу. Тексты писали такие известные по тому времени сатирики, как Борис Ласкин и Николай Рожков, поставил представление Сергей Юткевич, оформил спектакль Николай Акимов. Программа понравилась начальству, и мы поехали в Москву. Там политуправление восстало против нашего внешнего вида — Акимов одел женщин в белые вечерние платья, а мужчин в черные костюмы. Нас заставляли переодеваться в полувоенные костюмы, но мы отчаянно сопротивлялись, объясняя, что эти туалеты очень важны, так как это встреча с тылом, с мир-

ной жизнью. И мы победили... Отправились на центральный фронт к Рокоссовскому. Нас привезли в огромное подземное сооружение, где была маленькая сцена с роялем и зал человек на 40, предупредив, что начало спектакля в 21.00 и чтобы мы не задержались, потому что командующий любит точность. Как только вошел высокий, поразительно красивый Рокоссовский, мы сразу распахнули свои ширмы — и начали. Он даже удивился, по-моему. А потом благодарил за прекрасное представление. Особенно по душе ему пришлось наши костюмы — настоящие вечерние туалеты.

А потом мы отправились на передовую. Часто играли по десять-одиннадцать спектаклей в сутки. Было очень страшно. Особенно помню один концерт для тяжело раненных. Играли среди умирающих — стоны, вопли вокруг. Мы начали — и стоны стали стихать, а в конце даже послышались слова благодарности. Врачи говорили: "Ничего не понимаем — мы бессильны, а вы словно заставили их забыть боль!"

— Георгий Павлович, читателям «Труда» было бы интересно узнать, где вы родились, в какой семье, как стали артистом?

— Родился я в старинном русском городе Воронеже. Это был очень театральный город — в нем до революции играли многие великие артисты. И Комиссаржевская, и Ермолова, и Живоккина. Отец у меня работал на Юго-Восточной железной дороге главным бухгалтером. А мама воспитывала меня и брата. Родители в театр ходили, но только если кто-то из знакомых говорил: "Ах! Это надо посмотреть!" Вот на это "Ах!" и ходили. Брат у меня — дипломат. Так что в семье я один такой театральный.

А началось все так. Учительница литературы Александра Ивановна Лепинь предложила нам прочитать "Горе от ума" по ролям. Я был Чацким. Потом, после паузы, услышал: "Менглет, я бы по-

думала насчет театральной карьеры". Затем она предложила поставить пьесу. Спектакль вышел на областной смотр, попал на детский фестиваль, мы получили первую премию. Успех! Близилась выпускные экзамены. А я ужасно учился по математике — ну ни бельмеса не понимал. На экзамене просто стоял у доски и ждал — решить ничего не мог. Тогда математик спросил: "Ты точно решил стать артистом?" Я ответил утвердительно и услышал: "Садись Менглет, тройка!" Я поехал поступать в ГИТИС. Там был прекрасный педагог Андрей Павлович Петровский. Многие театральные люди советовали мне идти именно к нему. Поступил с первого захода.

— Был ли у

85 — дата солидная и почти невероятная. Не верится, что этот груз лет несет на плечах один из самых галантных мужчин современного театра Георгий Павлович Менглет. Он всегда бодр, улыбчив, готов к творческому поиску и даже к эксперименту.

вас кумир, которому вы поклонялись, безмерно уважали и почитали?

— Я увидел в "Блохе" на сцене МХАТа Алексея Денисьевича Дикого и "заболел" им с этого момента. Он стал организовывать студию, принял меня, дал роль Сергея в "Леди Макбет Мценского уезда". После этой роли Дикого назвал меня "лавропожирателем". Потом Учителя назначили главным режиссером в ленинградский Большой драматический театр. Проработали там год, и вдруг Дикого арестовали. Обвинили в шпионаже. Это было ужасно! Мы поклялись, что сохраним его студию.

Для этого надо было уехать в провинцию. Мы выбрали Сталинабад — там никогда не было профессионального русского театра. Но чтобы уехать, надо было уволиться из БДТ, где уже был новый главный — уважаемый мной Борис Андреевич Бабочкин. И вот мы все — студия Дикого, более 20 человек — выстроились у кабинета. По одному стали заходить с заявлениями. Поначалу он еще беседовал с каждым, но вскоре уже кричал: "Следующий! Заявление!" Он был зол, но все-таки остался с нами в прекрасных отношениях, оценив по достоинству наш поступок. Мы не могли предать Учителя.

— Из всех времен, которые выпали на вашу долю, какое больше всего запомнилось?

— Это все-таки молодость! Молодость, которая как-то убирала много трагического, драматического, делала жизнь веселее, привлекательнее и легкомысленнее. Время было очень тревожное — у власти стоял Сталин. Правда, у меня в семье никто не пострадал. Но вокруг было много потерь — друзья, знакомые... Алексей Денисьевич Дикий отсидел 5 лет. Вокруг творились что-то ужасное — погибли Михоэлс и Мейерхольд. В общем, было страшно. И тем не менее мы радовались жизни.

Тогда Москва была театральной Меккой. Почти одновременно работали такие гении, как Станиславский, Немирович-Данченко, Вахтангов, Мейерхольд, Дикий,

Таиров, Завадский, Сандро Ахметели, Лесь Курбас, Охлопков. А какие актеры! Они ошеломляли. Позже, в 40-м году, меня потрясли "Три сестры" Немировича. Помню, вышел и чувствую — идти не могу. Прислонился в фойе к холодной каменной плите затылком. Что-то творилось с мозгами и с сердцем. Театр я навещал активнейшим образом. Бывали плохие, проходные спектакли. Но актеры! Мхатовцы первого поколения... Да и в Малом были актеры — глыбы. Величайший актер Степан Кузнецов, который в "Ревизоре" переиграл все роли, от Хлестакова до Городничего. Приблизаясь к Малому театру, я видел его на извозчике, бежал за ним с вопросом: "Сте-

пан Леонидович, вы сегодня кого играете?" Он вальяжно отвечал: "Хлестакова". И мчался дальше. Да, были актеры внутреннего и внешнего перевоплощения. Я не знаю, надо ли так перевоплощаться, чтобы мама родная не узнала. Но мне это было безумно интересно. Я помню, как на одном спектакле женщина рядом спросила: "Простите, а кто играет Хлестакова?" Я удивился: "Как кто — Степан Кузнецов!" А она: "Ну что вы — это не он, я его в Киеве видела!" Представляете, она его узнать не смогла.

А труппа Корша, вернее, тогда уже "бывшего Корша"? Режиссеров, конечно, там было "кот наплакал", но актеры, актеры... Они творили чудеса. Никогда не забуду один крохотный момент в игре Веры Николаевны Поповой. Она играла молодую женщину, которую обесчестили, и она попала в больницу, сделала аборт, была несчастна. Открывалась дверь, и на сценическую кухню по ступенькам спускалась Попова в черном платье. Подходила к краю, открывала его, припадала губами к воде и пила. Зал взрывался овацией. А она пила — изможденная, иссохшая от страданий женщина. Вот так, не сказав ни слова, все и сыграла. Такой театр забирал тебя целиком, отодвигая все ужасы сталинской эпохи.

— А какие у вас отношения с театром нынешним? "Забирает" так же, как в молодости?

— Сейчас театр совсем другой. И это не старческое, мол, брюзжание — вот в наше время было... Просто театр очень изменился. Меня, например, раздражает коммерциализация театра. Я не приемлю разговоры об антрепризе — она мне не нравится. Дайте лучше актерам приличное жалованье — драматическим актерам всегда платили мало.

Раньше тоже были такие разовые мероприятия для зарабатывания денег — обычно это происходило летом, в отпуске. Существует даже байка о том, что это было за искусство. Группа актеров устремляется, предположим, в Тамбов, на гастроли. У героя-любownika был большой породистый пес, которого тот всегда возил с

собой. Играли в летнем театре, и пес оставался около входа. Артисты репетировали очередную мелодраму, какого-нибудь "Ваньку-ключника". Но как только кончалась репетиция, собака мгновенно прибегала на сцену. Спрашивается — как догадывалась собака? Просто, когда репетиция завершалась, артисты начинали говорить человеческими голосами, без фальшивых интонаций, не форсируя голос и эмоции. Это собака чуяла моментально!

Конечно, сейчас так не разговаривают на сцене, но в основе антрепризы все-таки нет традиций русского театра. Он какой-то другой, наш театр. Прожив вот уже 85 лет, я до сих пор не разгадал, что это такое. Это для меня тайна! Я не понимаю, почему люди, войдя в театр, начинают тише разговаривать, не шумят. И почему вдруг какой-то герой по фамилии Петров или Иванов завладевает твоим сердцем, становится тебе близким человеком. Однажды рядом со мной в Театре имени Вахтангова на спектакле "Коварство и любовь" сидел умный, образованный человек, академик. И вот он все время вскрикивал: "Ой, Боже мой, Боже мой!" — и смахивал слезу. Или: "Зачем он это делает?!" Я на него поглядывал, мне уже и спектакль был не так интересен, как он. Вот это наш театр и наш зритель...

— В Театре сатиры вы работаете с 1945 года. Верой и правдой служите ему уже 42 года. Но все-таки этот театр с ограниченными репертуарными возможностями. У вас нет ощущения недовостребованности?

— Театр сатиры никогда в чистом виде таковым не был. У театра, и, в частности, у Валентина Николаевича Плучека хватало вкуса, чтобы не ставить ни Софронова, ни Сурова, поэтому обращались к чему-то не впрямую сатирическому. Так возник на нашей сцене Бернард Шоу, Ги де Мопассан с "Милым другом". У нас прекрасная труппа — актеры моего "призыва" и те, кто помладше. Режиссеры всегда в театре работали талантливейшие — Горчаков, Петров, Лобанов, Гончаров, Захаров. И вот уже почти 50 лет театр возглавляет Плучек. Я не жалею на свою актерскую судьбу. Хотя, конечно, многое не удалось сыграть. Мечтал о Фальстафе, Иудушке Головлеве. А кто сыграл все? Наверное, никто. И потом есть такое поверье: когда актер о чем-то мечтает и мечты не сбываются, то часто это и к лучшему. Потому что и провалиться можно!

— Что для вас есть главная движущая сила жизни?

— Любовь. Мне всегда хотелось многое любить. В первую очередь — конечно, театр. Я страстно любил свой родной Воронеж, потом полюбил Москву. С 12 лет влюбился в футбол и страстно люблю свою команду ЦСКА, верю, что она будет лучшей. Я уже не говорю о семье, о любимой жене Ниночке, о женщинах вообще. Это все прекрасно! Жизнь заслуживает любви. Главная движущая сила всего — любовь. Вот так я думаю.

Беседу вела
Марина КОРОСТЫЛЕВА.